

24 ИЮН 1977

Минская смена
Горький

ЖАЛЕЮ ТЕПЕРЬ, что не сохранила газету с той статьей. Рецензируя столичные гастролы одного из лучших наших театров, автор ее одновременно размышлял о том, почему сквозь внушительный заслон классики так трудно пробивает себе дорогу к сердцам слушателей современная оперетта. Бранил он часто несостоятельную драматургию и маловыразительную музыку современной музыкальной комедии, совершенно справедливо противопоставив ей мелодичность, изящество и глубину музыкального материала классической оперетты. «Попало» в статье и зрителям — за их безоговорочную верность старой оперетте и за странное предубеждение к современной.

Разделяя сегодня огорчения автора относительно предубеждения «за глаза» (вспомним, кстати, что подобные явления периодически повторяются и в смежных жанрах), трудно согласиться с ним в одном: что зритель ходит на классические спектакли лишь из-за того, что носит сегодня снизводительное название «оперетки». Правда, эту самую «оперетку» многие театры ставят — увы! — в значительном количестве, но трудно усомниться, что на «Летучую мышь» и «Принцессу цирка», на «Сильву» и «Баядера» уже давно тянет зрителя горячее желание почувствовать за остроумной интригой и прекрасной музыкой подлинность человеческой судьбы, настоящие, а не выкрененные по единым лекалам «героя» или «протака» богатые человеческие натуры.

Что и говорить, не просто этого добиться во «фрanchизе» оперетте, зачастую небогатой драматургически и прямо-таки переполненной соблазнами сбиться на неестественность и вульгарность. Тем большая честь артисту, стремящемуся преодолеть этот барьер.

Именно по такому пути идет сейчас молодой актер Волгоградского театра музыкальной комедии Алексей Кузьмин.

Как часто в классических спектаклях держит экзамен актерская самобытность, проверяется творческая ус-

тойчивость актера против всего, что уже «поросло» традицией. Той традицией, которая, по тонкому замечанию одного из крупнейших художников нашего века, есть лишь «гипсовая маска, снятая с жизни, маска, которая, пройдя через поток многих лет, в конце концов позволяет скорее только догадываться о своем сходстве с оригиналом».

Граф Бони в калмановской «Сильве»... Сколько исполнителей видела эта знаменитая роль и сколько органичных, казалось бы, работ, но в сущности... штампов. Может быть, как никакой другой, трудно оградить

голосом произносит: «Прости меня, Сильва. Я знаю, что часто говорю глупости. Но поверь, поверь мне: я так хочу, чтобы все было хорошо!». Эти реплики введены в текст роли, самим актером. И они — как объяснение множества не совсем привычных «деталей», которые внимательный зритель улавливает с момента появления на сцене героя А. Кузьмина. Вам наверняка бросится в глаза некоторая сдержанность Бони в первом акте, в том самом, где он поет все наиболее популярные свои куплеты, буквально балансирующие на грани пошлости. Но чувств

положений, они и зрителей заставляют воспринимать окружающее во всей его реалистичности. За четыре года работы в театре после окончания Государственного института театрального искусства им сыграно около полутора десятков ролей — и центральных, и небольших. А вот самые любимые назвать сложно. Каждая приносит что-то и в смысле актерского мастерства, и просто по-человечески. И каждой отдана частица себя. Отдана, насколько позволяют судить показанные в Горьком работы, с глубокой убежденностью в том, что каждый птритх в характере

«ЛИЦА НЕОБЩИМ ВЫРАЖЕНИЕМ»

этот образ от привычного шаблона.

Бони Алексея Кузьмина счастливо от него избавлен. Ревнителей традиции, в которую, кстати, проникло уж слишком много дурного вкуса, это обстоятельство, пожалуй, обескуражит. Но факт остается фактом: Бони — пустышка, Бони — эксцентрик, Бони — светский шалопай уходит у актера на второй план. Для А. Кузьмина здесь гораздо важнее прикрытая пока всей этой мишурой истинная натура персонажа. Натура далеко не богатая (что было бы уже натажкой), но добрая и очень искренняя. Можно принимать или не принимать такого Бони в спектакле, но актерский замысел логически обоснован. Ну, право же, доверила бы цельная, глубокая в чувствах Сильва принять такое участие в своей судьбе кому попало лишь потому, что этот юный денди может с блеском сыграть возлюбленную на него героиней роль? Вряд ли. В третьем акте оперетты А. Кузьмин как бы дает ключ к пониманию его героя. После нелепой шутки, вырвавшейся у него в разговоре с Сильвой, шутки, которая может вызвать у нее лишь устало-презрительную гримасу, Бони как-то вдруг сникает и упавшим

мерами не покидает исполнителя в этих «опасных» эпизодах. Интересно, что именно чуть большей сдержанностью выделяется Бони в обществе своих друзей — «балетоманов». Нет, его музыкальные номера в «Сильве» не «засерьезнены», но исполнены в своей сдержанности трогательной и юмористической пластики, эlegantности.

Мгновенная смена мыслей, настроений... Но, взглядевшись внимательно в стилистический рисунок роли, вы увидите в нем одну черту, не покидающую Бони — Кузьмина на протяжении всего спектакля ни в речевых интонациях, ни в танце, ни в музыкальных ансамблях. Она — человечность.

«Я много думал над тем, — говорит А. Кузьмин, — почему нам, актерам, часто завидуют. И вот сейчас, кажется, понял: просто, выходя на сцену к людям, отыскивая для своих персонажей выразительные детали и постигая суть того или иного характера, начинаешь вообще острее чувствовать жизнь».

Острее чувствовать жизнь... В этих словах, пожалуй, сконцентрировано многое из сценической жизни героев Алексея Кузьмина. Молодые люди разных времен и народов, разных общественных

персонажа должен быть достоверен, каждый эмоциональный оттенок — логически оправдан. Логика и эмоция... Казалось бы — взаимоисключающие понятия. Но именно их сочетание дает здесь ценнейший «сплав» — неподдельность чувств. На службу этому поставлен весь творческий арсенал актера: взрывной темперамент, богатство пластики, выразительность вокального тембра.

Но есть среди его ролей одна, особенно убеждающая в том, что всякое чувство требует двух спутников — вкуса и стиля, без которых оно станет просто изображением чувства. Летчик — цыган Сергей Чупров в музыкальной комедии В. Баснера «Требуется героиня» — образ, в котором так же просто удариться в искусственные страсти, как в Бони — в пошлость. Но тонкий художественный вкус актера не позволяет его герою «сфальшивить» ни в одной сцене, будь то откровенная буффонада (эпизод с медсестрой Клавой) или следующее сразу за ней жизненно важное объяснение страстно, но безнадёжно влюбленного Сергея с главной героиней. Острое чувство художественной правды актера ни на минуту не дает горячему темпе-

раменту молодого цыгана обернуться ординарной «цыганщиной».

Верхолаз Виктор Полюшкин в оперетте «Обручальные кольца», написанный авторами типично «голубым» героем, обретает в интерпретации Кузьмина совершенно реальные черты рабочего парня, в силу доброты и безыскусственности своего нрава то и дело попадающего из одной пикантной ситуации в другую. Эдакого безбрежного энтузиаста, который с той же готовностью назавтра женится, если это очень

нужно его другу, с какой может, к примеру, отработать за него смену... В этой комической роли А. Кузьмин столь искренен и непосредствен, что, кажется, все его трюки рождаются у вас на глазах.

Жизнерадостный, полный благородства характер одного из обитателей мансарды на Монмартре, композитора Флоримона Эрве (оперетта И. Кальмана «Фиалка Монмартра»), актер искусно отделяет множеством метких деталей. Грация и самолюбование в игре Флоримона на рояле, чуть-чуть небрежности в изящном танце (самая малость, без которой истинный музыкант с Монмартра ну просто никак не может обойтись!), наконец, разный сарказм в вокале и пластике дуэта с Фиалкой из второго действия.

Оперетта синтетична, как ни один из жанров. Музыка, слово, жест — все сплетается здесь в одно целое. Любое разделение несет неоправимый ущерб главному в произведении искусства — его художественной оправданности. Герои Алексея Кузьмина поют тогда, когда уже, кажется, нельзя выразить свои чувства обычными словами, и начинают танец именно в тот момент, когда просто не могут не танцевать.

Он мечтает сыграть когда-нибудь Альфреда Дулитла, незадачливого и неудачливого папашу Дулитла в музыкальной комедии Ф. Лоу «Моя прекрасная леди», блестящего плута Альфреда Дулитла, наделенного, меж тем, добрым сердцем и замечательной житейской мудростью. Верится, что актер придет к этой роли, исполненной гротесковской комизма и вместе с тем — неподдельной жизненности и естественности, — того, что составляет суть работы Алексея Кузьмина в оперетте и что так дорого в его героях зрителям.

Р. ЗВЯГИНА.

НА СНИМКАХ: артист А. Кузьмин в роли Сергея Чупрова («Требуется героиня») — снимок сверху и в роли Флоримона Эрве («Фиалка Монмартра») — снимок внизу. Фото В. ПОЛОНСКОГО.